

«КОМУ ВОЙНА, КОМУ МАТЬ РОДНА»: ОТ РАССКАЗОВ РОДИТЕЛЕЙ ДО КНИЖНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: *В рецензии на книгу Якова Айзенштата «Записки секретаря военного трибунала» (Overseas Publications Interchange Ltd, London, 1991) фактический материал о деятельности Военных трибуналов Второй мировой войны критически анализируется и соотносится с некоторыми тенденциями российской действительности прошлого и современности.*

Ключевые слова: *история СССР, Вторая мировая война, Военные трибуналы.*

Мои русские предки по линии мамы были переселены на Украину после разгона Запорожской Сечи «вражьей матерью Катериной», как поется в старинной казачьей песне. А предки по линии отца — запорожские казаки — той же самой царицей были переселены на Кубань. В итоге произошло охотничивание одних и окацапивание других моих предков, если использовать региональные словари для описания данного процесса. Так что с точки зрения примордиализма моя нация мне неизвестна. И я от этого совершенно не страдаю¹. Зато мне хорошо известно, что страдания предков продолжились и в XX веке. Мама была вынуждена бежать от украинского Голодомора 1933 года на Кубань. В городе Кропоткине к тому времени уже проживал ее старший брат, отслуживший срочную службу в Рабоче-Крестьянской Красной армии, гоня басмачей по азиатским пескам. После увольнения в запас ему предложили поехать на поселение на Кубань — к тому времени ряд станиц бывшего Кубанского войска были выселены на Соловки и в Сибирь за антисоветские восстания. Брат обжился в Кропоткине и приютил маму. Она отъелась после голода, закончила курсы билетных кассиров в Ростове-на-Дону. В 1936 г. мать встретилась с отцом и они поженились. Оба были железнодорожники — отец дежурным по станции, мать билетным кассиром.

Как обычно, у мамы не заладились отношения со свекровью, особенно после рождения моей старшей сестры. В результате родители перед войной вернулись на Украину — родину мамы. Продолжили работать на железнодорожной станции Полонное, по названию древнего

¹ В «Истории моего современника» В.Г. Короленко нашел эпизод, в котором он описывает, как во время юности в Житомире он наблюдал три основных национальных типа: великорусских имперских чиновников, польских магнатов и шляхтичей и украинских панов в казацких шароварах. Все три типа ему стали отвратительны и он создал свое кредо: «Моя родина — русская литература». Развивая такой ход мысли уже на основе собственного жизненного опыта, а также с учетом того, что в социальных науках национальная принадлежность — дело ... надцатое, вслед за Короленко могу сказать: моя родина — философия и социальная наука.

местечка, восходящего к Киевской Руси, затем Литовского княжества, потом до конца XVIII века пребывавшего в составе Польской республики, затем Российской империи и СССР, а теперь Украинской республики.

Короче говоря, 30 июня 1941 г. отец и мать попали под первую бомбежку, мать с трехлетним ребенком эвакуировалась первой, отец покидал занимаемые немцами железнодорожные станции последним паровозом. Так продолжалось до города Туапсе, где мать остановилась. Отца отправили на север Ирана, который занимали советские войска по соглашению между СССР и Англией. Едва Красная армия начала наступать, отец первым паровозом по восстановленным путям возвращался из эвакуации. Мама следовала за ним.

Короче говоря, на протяжении всего моего детства мама и отец рассказывали, как реально шла эвакуация, кто как себя вел во время и после войны. От родителей я впервые услышал реальный смысл поговорки «Кому война, а кому мать родна». Это создало мощное противоядие всей официальной лжи о войне. Всю прочитанную о войне литературу я с юности подвергаю этому критерию. Рассказы отца и мамы проложили мне дорогу к повестям и романам Василя Быкова, Виктора Астафьева, Ярослава Гашека, Эриха Ремарка, Джозефа Хеллера, Тадеуша Боровского, Мориса Сруога и множества других авторов — писателей, историков, теоретиков, избравших несладкий путь изображения того, как все было, а не как казалось советскому начальству и идеологам.

Этот путь пролагается медленно, через напластования обычного человеческого нежелания помнить неприятное и целые завалы официальной лжи и полуправды, которыми переполнено абсолютное большинство печатных и электронных СМИ, литература, искусство и социальные науки. Советская и постсоветская власть реальную трагедию советско-германской войны превратила в повод для помпезного оправдания собственного существования и милитаристских поползновений. Среди определенных слоев общества существует до сих пор романтизация и морализация войны — трактовка военных действий как места, в котором проявляются лучшие человеческие качества.

Например, с недавних пор замечаю на автомобилях надписи «Спасибо деду за победу». Я давно дед, но по возрасту не мог принимать участия в боевых действиях. Значит, речь идет о прадедах. Предлагаю подумать, кто из прадедов нынешнего поколения дожил до настоящего момента... Значит, водители просто не думают о смысле надписей, а бездумно повторяют все, что скажут им сверху.

В данной статье прореферирую одну небольшую книжечку. Она остановила мое внимание по двум причинам: личному — в ней описаны события, которые происходили преимущественно на Украине и на Кубани, о которых мне частично уже рассказывали отец и мать; в книге описаны уголовные дела, в судебном рассмотрении которых автор принимал участие в качестве секретаря различных Военных трибуналов Красной армии. В основном он служил на Юге, т. е., в Донбассе и на Северном Кавказе. Служба в Военных трибуналах дала ему возможность ознакомиться с *изнанкой войны, с такими событиями, о которых никто и никогда не писал*. В этом смысле книга дополняет рассказы моих родителей о войне.

Главный мотив написания книги — мир не знает правды о деятельности Военных трибуналов Красной армии. Автор сообщает эту правду и особо подчеркивает: фамилии упомянутых лиц, в том числе тех, кто сотрудничал с нацистами, не изменены. Книга состоит из небольших глав, в которых рассматриваются множество фактов, явлений и события, обычно не описываемых ни в официальных историях, ни в большинстве книг о войне.

В чем причина беспримерных масштабов уничтожения людей по приговорам Военных трибуналов Красной армии во время Второй мировой войны? — так ставит вопрос автор. Он усматривает главную причину в том, что в Военные трибуналы Действующей армии пришли в основном судьи, принимавшие участие в массовых репрессиях 1937–1938 гг. в качестве

членов гражданских судов. Они получили возможность расширить сталинский террор во фронтовых условиях, где человеческая жизнь стоила еще меньше. Для судей сталинской выучки на войне сложилась особо благоприятная обстановка. Автор выступает против смертной казни, поскольку она ничего не исправляет. Но в условиях военного времени и боевой обстановки смертная казнь часто воспринималась многими как заслуженная и справедливая кара [Айзенштат 1991: 5–11].

В официальной истории СССР и России считается, что палачами были только нацисты или, на худой конец, один Сталин. Между тем палачи находились в составе Красной армии. Автор называет генерала юстиции Матулевича Ивана Осиповича один из самых страшных палачей XX века. Он без суда отправлял на казнь сотни советских солдат и офицеров. Весной 1942 г. он был Председателем Военного трибунала Южного фронта, а также членом Военной коллегии Верховного суда СССР, которая возглавляла всю репрессивную деятельность Военных трибуналов. Кровавая история этого военно-судебного органа еще не написана, но десятки тысяч ни в чем не повинных людей были расстреляны по приговорам именно Военной коллегии. Судьи этого органа были членами партии и показали бездумную и беспрекословную верность режиму.

Несправедливые обвинения в попытках перейти на сторону врага обычно фигурировали в делах, сфабрикованных контрразведкой СМЕРШ. Эти органы стремились показать свою «активность и бдительность». Если настоящих шпионов и перебежчиков не было, СМЕРШ их создавало, предъявляя обвинение в дезертирстве тем, кто использовал немецкие листовки для курения.

По мнению автора, попытки перехода на сторону противника редко объяснялись политическими, идеологическими соображениями. Обычно перебежчики, дезертиры, членовредители, симулянты, уклоняющиеся от призыва стремились к одному — сохранить свою жизнь. Число таких преступлений росло, когда на фронте складывалась тяжелая обстановка и предстояли большие бои.

Членовредительство носило каждодневный и массовый характер в частях, сформированных из азербайджанцев, армян, узбеков, но встречалось также в частях, сформированных даже из русских, украинцев, белорусов. Членовредители отрубали себе топором один или несколько пальцев или стреляли себе в руку. «Человек вроде из трусости шел на совершение действий, которые требовали определенного мужества» [там же: 22]. Расстрелы членовредителей ширились, но одновременно росло число «самострелов». Смертные приговоры их не останавливали. Они надеялись таким путем спасти свою жизнь таким путем.

Наиболее частым случаем фабрикации политических обвинений было обвинение в восхвалении на фронте немецкой военной техники, что расценивалось как пораженческие настроения и антисоветская агитация. Такие дела фабриковались особыми отделами и контрразведкой СМЕРШ. Они следовали традициям следователей 1937–38 гг.

Среди солдат и офицеров на фронте часто велись разговоры о высоком качестве немецких самолетов-разведчиков «фокке-вульф» (рама), танков «тигр», недостатке оружия на первой фазе войны, плохом качестве противотанковых ружей. Никакого антисоветского умысла в этих разговорах не было. Такой умысел приписывался им особистами и смершевцами. «В результате гибли честные люди и среди них были такие, что и вовсе не высказывались о немецкой технике: такие высказывания им приписывали доносчики, сотрудничавшие с особистами или смершевцами и выполнявшие их грязные поручения. Они и выступали свидетелями по этим делам при их рассмотрении в военных трибуналах» [там же: 30].

Такие дела фабриковались местными органами МВД, особыми отделами и отделами СМЕРШ, которые чувствовали себя полными хозяевами не только в войсках, но и в при-

фронтовых населенных пунктах. При такой обстановке каждый доносчик мог рассчитывать на успех.

Автор приводит в пример дело жителя Армавира Кривошеина, которое рассматривалось в трибунале Армавирского гарнизона в 1943 г. Этого человека предали суду по доносу жены. Она давно тяготилась браком с ним, часто ему изменяла и решила от него избавиться. «Все ее дальнейшие жизненные планы были связаны с тем, что муж будет арестован, изолирован и осужден, а она своим доносом заслужит расположение соответствующих советских органов» [там же: 32]. Однако военный трибунал привлек ее к ответственности. Но отдельного помещения для содержания арестованных не было, поэтому женщину поместили в среду арестованных. «Надо было видеть эту женщину через несколько часов после того, как она была арестована и попала на трибунальский двор под охрану солдат» [там же].

К числу судебных казусов относятся такие случаи: контуженного молодого солдата, действительно потерявшего голос, обвинили в симуляции и расстреляли; по недоразумению подполковник связи убил старшину-танкиста, а друзья старшины приехали на танке и всадили снаряд в автомобиль подполковника.

Нередко шпионажем в наших частях занимались женщины. Разведотдел штаба 12 армии Южного фронта посылал часто через линию фронта женщин-разведчиц. Одну из них перевербовал итальянский офицер, сошелся с нею на почве любви. Она стала двойным агентом. По законам военного времени ее надо было расстрелять. «Но Военный трибунал учел ее молодость и раскаяние и ограничился длительным лишением свободы. Члены Военного трибунала, которые почти ежедневно подписывали смертные приговоры мужчинам, на этот раз отступили перед молодостью и красотой украинки из Макеевки» [там же: 42].

В поселке Артемовск-уголь была расстреляна группа медицинских сестер. После отступления Красной армии из Донбасса медицинские сестры местной больницы остались в поселке и развернули в больнице госпиталь для немецких солдат и офицеров. Наши контратаковали и отбили поселок. Всех сестер приговорили к расстрелу. Мужчины обычно спокойно выслушивали смертный приговор. Женщины забились в истерику. «Я на всю жизнь запомнил эту страшную картину и часто вспоминал ее, когда возвращался мыслями к проблеме смертной казни» [там же: 44].

Однажды приговоренного к смерти не застрелили, а только ранили и неглубоко закопали. Он сам себя откопал и пришел в прокуратуру дивизии. После этого за халатное отношение к исполнению своих обязанностей направили в штрафной батальон всех присутствовавших при неосуществленном расстреле — Военного прокурора дивизии, Председателя Военного трибунала дивизии, Начальника дивизионного отдела «СМЕРШ», военного врача. Такое направление для каждого из них было равносильно смертному приговору. Обычно все штабные офицеры, попадавшие в штрафной батальон, погибали в первом же бою.

В гитлеровских листовках содержалась доходчивая антисемитская пропаганда такого типа: «Иван! Ты работал на заводе. У тебя директором был Хаймович, секретарем парткома Пейсахович, председателем профкома Рабинович, а у станков среди рабочих жидов не было. Теперь у тебя политрук Пейсахович, начальник штаба Рабинович, а в окопе среди бойцов жидов нет. Сводки Совинформбюро пишет жид Лозовский, их читает по радио жид Левитан, в газетах тебя обманывает жид Эренбург. Ты спишь в окопе, а жид работает в рабкоопе и спит с твоей женой. А за все отдуваешься ты, бедный Иван». Эти листовки пользовались популярностью в солдатской среде. Но за их хранение солдаты приговаривались к расстрелу, поскольку им приписывался замысел перехода на сторону противника.

На протяжении всей войны на фронте продолжалось воровство. Трибунальские расстрелы несколько не помогли его уменьшить.

Когда штаб 12-ой армии отступал из одной кубанской станицы в бесплодные дикие горы под Туапсе, в станице осталась повариха военторга. Но наступление немецких войск в этом районе остановилось. Смершевцы вернулись, привезли и расстреляли повариху. На штабных женщин расстрел поварихи произвел устрашающее впечатление и цель вроде была достигнута.

В Действующей армии в события были вовлечены представители разных наций. Поэтому возросло значение межнациональных отношений. Честь и достоинство нации определялось прежде всего ее вкладом в ведение войны. Обычно от боев уклонялись азербайджанцы, армяне и узбеки. Лучше других против немцев воевали русские и евреи. Они сражались в едином строю, но их отношения омрачались антисемитизмом. «В советской печати и пропаганде на протяжении многих лет старались вообще умалчивать об уничтожении евреев на оккупированной немцами территории, но когда писали об этом, то все приписывали немцам, а о роли русских и других национальностей предпочитали не упоминать совсем» [там же: 57].

Далее рассказана история с книгой Ариадны Громовой «Линия фронта на Востоке». Она жила в Киеве, знала о положении на оккупированной немцами территории по своему жизненному опыту, а не понаслышке. После войны написала об этом книгу. Первая часть книги вышла в издательстве «Советский писатель». Вторую часть отказались издавать, поскольку в ней правдиво рассказывалось о роли местного украинского населения в уничтожении евреев. Автор вел дело в суде о взыскании авторского гонорара за вторую часть книги, ибо по закону она имела на это право. Вопрос был передан на рассмотрение в отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС. Там заняли твердую позицию — не издавать. А на словах объяснили, что книга будет издана, если автор удалит из нее все, что касается роли местного населения в уничтожении евреев. Она не согласилась. Это было в 1960-х гг. «Теперь, когда наступила так называемая „гласность“, — пишет автор, — когда многое увидело свет, вторая часть книги „Линия фронта на Востоке“ так и не издана» [там же: 58].

Об общей картине свидетельствует сухая статистика. В составе Красной армии воевало 500 000 евреев, из них погибло 200 000. На оккупированной немцами советской территории при содействии местного населения было уничтожено примерно полтора миллиона евреев [там же: 59]. Иначе говоря, советские люди уничтожили в семь с половиной раз больше евреев, чем их погибло на фронте.

Осенью 1943 г. на строительство моста через горную речку был направлен штрафной батальон. Мост был построен путем длительного пребывания всего личного состава в ледяной воде. С них было снято наказание. Но было ясно, что многих из них ждут неизлечимые заболевания и смерть.

В конце 1942 — начале 1943 г. автор был секретарем Военного трибунала 36 района авиационного базирования на территории от Адлера до Сухуми, батальон входил 5-ю воздушную армию. Она в тот период бомбила Украину, оккупированную немцами. На Украину они летали с кавказских аэродромов. Самолетов не хватало. Но потери самолетов из-за нарушения авиационных правил на своих аэродромах нередко превышали боевые потери. С этим было связано множество уголовных дел. К тому же конструкции Яков и Илов были таковы, что при движении самолетов на земле у них был малый обзор для наблюдения. За поломки многие летчики попадали в штрафной батальон. Многие осужденные летчики погибали в воздушных боях, но еще больше погибало, будучи направленными рядовыми бойцами в пехоту и штрафные батальоны.

Боевые летчики, как и многие офицеры и солдаты на передовой, отрицательно относились к тыловикам, интендантам и работникам военных комендатур, которые требовали соблюдения формы одежды, порядка и пр. Однажды летчики при возврате с боевого задания обстреляли здание комендатуры Армавира. Виновных не нашли. Но в беспорядке было вино-

вато высокое начальство, которое редко попадало под трибунал. Его головотяпство наносило заметный ущерб ходу боевых действий военной авиации. Большинство летчиков болело малярией потому, что начальство выбрало для тренировочного аэродрома в Армении малярийное место. Но сменить его так и не удалось на всем протяжении войны.

На даче Берия под Сочи была хорошая столовая Военторга для офицеров Управления СМЕРШ и из этой же столовой подкармливали стукачей и наседок для поощрения их деятельности по заданиям следователей. В этой даче расположилось Управление, подчиненное ведомству, хозяином которого был тогда хозяин этой дачи.

В Военном трибунале Армавирского гарнизона было самое большое количество дел. В период немецкой оккупации Кубани во всех станицах был создан из местного населения мощный аппарат администрации, полиции, жандармерии. Этот факт связан с реакцией казачества на политику Советской власти в отношении казачества. Тысячи людей, включая интеллигенцию, пошли служить немцам. Им удалось сформировать вспомогательные воинские формирования. С немцами с Кубани отступило 20 000 человек.

В книге Геллера и Некрича «Утопия у власти» говорится, что на Кавказе, в Крыму, в Калмыкии число коллаборантов было относительно невелико, однако точными данными авторы не располагают, поскольку советские источники об этом умалчивают. Автор книги считает квалификацию советских источников справедливой, но вывод о числе коллаборантов ложен. Его аргумент таков — один только Военный трибунал Армавирского гарнизона рассмотрел тысячи дел такого рода. Дел было столько, что они не помещались в шкафах. Но в советской печати кроме умолчания была явная ложь. Например, Константин Симонов в очерке «Краснодар» писал, что на всей Кубани не набралось и ста предателей. Но он отлично знал, что с немцами ушло 20 тыс. казаков. «На плодородной Кубани в период оккупации никто не голодал, не пух от голода, а на службу к немцам шли» [там же: 72].

Кубань — одно из показательных мест еврейской трагедии. Здесь, как и в других районах СССР, уничтожение евреев проводилось лишь под общим руководством немецких властей. Решающую роль в выявлении, задержании и уничтожении евреев играли представители местного населения. В книге приводятся конкретные факты уничтожения евреев в станицах и городах Кубани (например, в станице Успенской начальник полиции Ветров лично из пистолета расстрелял 315 евреев). Кроме массовых расстрелов евреев (беженцев из Украины, эвакуированных из Ленинграда) отбирали еврейских детей, помещали их в автомашины-душегубки, отравляли газом, а детские трупы сжигали или закапывали. Случаи спасения еврейских детей были редкими. «Общим правилом было другое — активное участие всего местного населения, старост, полицейских, жандармов в розыске и обнаружении всех скрывавшихся евреев, в акциях по их уничтожению и в дележе изъятого у них имущества. Кубанская земля обильно полита еврейской кровью... До сих пор не все участники этих кровавых злодеяний понесли заслуженное наказание, а советские власти и во время „гласности“ не допускают в печать правдивую информацию о событиях тех лет» [там же: 77].

Интересна история с призывом цыган в действующую армию. После призыва цыгане устроили для всех большой концерт. На котором рассказывали, как будут воевать в армии на фронте и подковывать лошадей. Ночью все 15 цыган сбежали с военно-пересыльного пункта.

Издававшиеся при немцах газеты — исторические документы того времени и заслуживают пристального внимания историков. На Кубани значительное число женщин сожительствовало с немецкими офицерами и солдатами. В Краснодаре, Кропоткине, Лабинске и других городах были бордели. Немецких офицеров и солдат там обслуживали жены офицеров Красной армии. Когда немцы объявляли набор женщин в эти заведения, желающих всегда было больше потребности. Однажды наши самолеты бомбили Лабинск и бомба случайно попала в бордель, контузила одну из женщин. Ей свернуло шею. Она переехала в другой город

и добилась пенсии как инвалид Отечественной войны. Этот факт был установлен при рассмотрении в Военном трибунале Армавирского гарнизона [там же: 85–86].

При осуществлении репрессивных мер (повешение) советские и немецкие карательные органы использовали опыт друг друга, воспринимали и осуществляли сходные методы, разработанные другой стороной. По три дня висели повешенные.

На Кубани земля на редкость плодородна. Много сажалось подсолнухов. Немцам было в диковину, что везде щелкают семечки подсолнуха. Они их назвали «сталинский шоколад». Но через некоторое время сами стали щелкать семечки. В школах на Кубани учительницы говорили, что последние красноармейцы подышают на кислицах в горах у Туапсе. Действительно, наши солдаты питались вареными кислицами. И потому ненавидели не только немцев, но и жителей Кубани, которые сотрудничали с немцами и снабжали их маслом, сметаной, пшеничным хлебом, мясом, вином, фруктами. Когда Красная армия начала наступление, чтобы изгнать немцев из Кубани, учительницы в кубанских школах говорили детям, что это наступает не Красная армия (она уничтожена немцами), а американцы, англичане и негры. Все коллаборационисты убежали в леса. Берия организовал операцию под видом отправки на фронт — десять вагонов шло на фронт, пять на расстрел [там же: 91–96].

Немцы поручали завербованным ими агентам создавать фиктивные партизанские отряды, вовлекать в них патриотических настроенных людей, а потом по тайному сговору с немецким командованием ставить такой отряд под удар немецких войск.

Автор приводит множество фактов процветания и мошенничества в военных трибуналах, зверства и мародерства советских солдат в Германии, Венгрии, Чехословакии. За мародерство слабо наказывали, а по сути поощряли. Высшее командование само подавало пример грабежа ценнейшего имущества и германских фамильных замков и музеев. Автор приводит показательный пример: умер Маршал Советского Союза И.С. Конев. Между двумя его женами возник судебный спор о наследстве. Из материалов судебного дела было видно, что стоимость лишь одних ружей и удочек, вывезенных маршалом из Германии, была достаточна для обеспечения безбедной жизни сотен людей на сто лет вперед [там же: 106–109].

В заключение автор выделяет две группы офицеров юстиции, служивших во фронтовых военных трибуналах: оперативный состав (председатели и члены трибуналов) и секретарский (старшие секретари и секретари). В оперативный состав назначались только члены партии, никакого образования не требовалось. Главное, что имело значение — политическое доверие. Туда назначались люди, участвовавшие в репрессиях 1937–38 гг. В результате отбора в оперативный состав по политическим признакам в этом составе оказалось большинство малообразованных, тупых, беспринципных службистов, согласных бездумно и жестоко осуществлять любую директиву, идущую сверху.

Это привело к серьезным последствиям, ибо в военных трибуналах предметом рассмотрения были дела двух категорий: справедливые дела — осуждение коллаборационистов и дезертиров; дела, сфабрикованные особыми отделами и Смерш. В таких делах судебные ошибки были неизбежными.

Таким образом, историческая, научная и политическая проблема сводится к систематизации всех перечисленных фактов и судебных ошибок на протяжении всей войны. Книга Я. Айзенштадта стимулирует поиски в этом направлении.